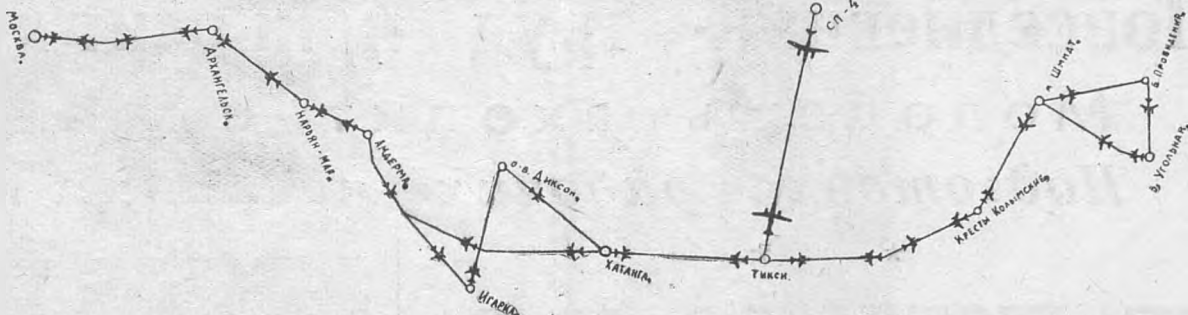

П. Чекин на крыше дома, занесенного снегом.
Фото В. Дуловой.

НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС!

В. ДУЛОВА,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

близкий друг моего двоюродного брата — штурмана полярной авиации В. Падальки.

18 апреля ровно в шесть утра по местному времени М. Титлов поднимает машину в воздух. Набрал высоту, он берет курс на Северный полюс.

Проходит немного времени, и старший штурман приглашает меня к себе. Штурманское место в самолете оборудовано очень хорошо. Здесь мягкое кресло, на столе газеты и журналы.

Н. Жуков непрерывно ведет вычисления, поддерживает связь с землей, а я смотрю, как он «колдует», и, главное, наблюдаю «за землей», вернее за беспрерывными ледовыми полями.

Внизу простирается Ледовитый океан. Под крыльями машины уплывают и набегают торосы, разводья и трещины. С высоты 1.000 метров разводья кажутся мне маленькими ручейками, а на самом деле их ширина достигает местами 10 метров.

Поступает радиogramма со станции «Северный полюс-4». Ее руководитель запрашивают М. Титлова, возьмет ли он кого-нибудь, кроме нас, в обратный рейс. «Одного человека», — отвечает Титлов. Немного спустя на станцию «Северный полюс-4» уходит радиogramма: «Вышлите трактор на аэродром. Надо перевезти арфу и другие инструменты и реквизиты».

«Трактор выслан», — следует ответ. В 10 час. 30 мин. по местному времени узнаем, что трактор застрял в пути, но нас «проедет» безбоязненно. — Как же быть с арфой? — нервничаю я.

— Придется оставить в самолете. Я в отчаянии. На помощь приходит штурман. Он радирует на полюс, просит выслать сани. Получает ответ: «Пусть Дулова не волнуется, сани высланы». Вскоре новая радиogramма: «Трактор вытащили, все в порядке».

Через 6 часов 8 минут М. Титлов артистически приземляет самолет на льду. Большая и тяжелая машина слушается его безотказно.

ЛАГЕРЬ СТАНЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-4». Мы увидели его из окна самолета. В безбрежных ледовых просторах, среди бесконечных торосов, горело кумачевое полотнище Государственного флага СССР. Сердце забилось радостно и учащенно, гордость охватила меня за социалистическую Родину, за ее верных сынов, героически несущих больше года ледовую вахту.

...Выключены моторы, открывается дверь, и мы по трапу спускаемся на лед. Ко мне подходит сказочный Дед Мороз. Широкоплечий, заиндевелый, крепенький протягивает мне руку. У него белые ресницы, брови, волосы, в руках пустотелая палка-шест.

— Здравствуйте, Вера Георгиевна, — произносит Дед Мороз. — Евгений Иванович Толстиков, — представляется он.

Вот он какой — прославленный начальник прославленной станции. Спешу запечатлеть его на пленку.

Смотрю на других членов нашей бригады и вижу, что все они, как и я, безмерно взволнованы. Но тут кто-то из встречающих берется за арфу, и я, забыв обо всем, кричу: — Только осторожно... Пожалуйста.

Вещи уложены в сани, а сами мы отправляемся в лагерь пешком.

Перед глазами возникают контуры какого-то сказочного хрустального города. Это даже не город, а грот. Причудливы очертания торосов, ослепительны их краски. Они не голубые и не синие — эти льды, они ультра-мариновые. И вдруг у меня вырывается:

— Вот такими должны быть декорации в «Сказе о каменном цветке». Все соглашаются. И нам очень жалко, что рядом нет художника театра.

Мне не хочется расставаться с киноаппаратом, но идти трудно, унты вязнут в снегу. Несмотря на крепкий мороз, становится жарко. Невольно думаешь: «А каково-то было им. про-

вести год на льдине, трудиться день и ночь, жить в постоянном напряжении, быть все время на-чеку в борьбе со стихией».

Еще немного, и мы видим лагерь.

А вот и вышка. Около нее зеленая ель, которую прислали к Новому году с Большой Земли. На ней — обычный мосторговский Дед Мороз. Чуть поодаль реет алый стяг, который мы видели с самолета. Красным пятном выделяется на снегу вертолет.

— Вот эта палатка — для артистов, — любезно говорит дежурный.

Мы спускаемся по ступенькам вниз и входим в палатку, освещаемую маленьким оконцем. Дверь открывается, как жалюзи, — поднимается вверх. Вдоль стен стоят шесть алюминиевых раскладушек, на них спальные мешки, шитые из меха росомахи. Посреди палатки — стол с пишущей машинкой.

Достаю из сумочки зеркальце, оно моментально покрывается инеем. От всех вещей идет пар. На полу пылает газовая плитка. «К чему это?» — думаю. Разгадка проста. В палатке наверху 10 градусов тепла, внизу — у пола 10 градусов мороза. В углах — снег.

Приводим себя в порядок и отправляемся в концертных платьях на обед в кают-компанию. Кстати, об этих платьях. В Тикси из-за них произошел спор. Нам предложили ехать в обыкновенных туалетах. Мы с Ринной Зеленой наотрез отказались: — Мы едем на концерт и концертные платья возьмем с собой.

Никакие уговоры не подействовали. И мы оказались правы. Наше появление в кают-компании в концертных платьях тронуло зимовщиков. Кают-компания похожа на вагон. По снеговому ступенькам спускаемся

вниз, открываем дверь и попадаем в коридор, из которого дверь ведет в продолговатую комнату метров в 20. Рядом с ней находится кухня.

Первое, что бросается в глаза, — юбилейный плакат, посвященный М. Глинке.

За длинным столом уже собрались все полярники, кроме дежурных. Меня усаживают рядом с человеком лет 30—35. Мучительно думаю: «Кто это?». И вдруг слышу: — Евгений Иванович, будем начинать?

Евгений Иванович... Да ведь это Толстиков, мой Дед Мороз! Напротив него, на другом конце стола сидит П. Гордиенко — новый начальник станции «Северный полюс-4». Один — сдает, другой — принимает, и что? — Северный полюс земли.

В честь нашего приезда зимовщики нарушают «сухой» закон. На столе несколько бутылок коньяку. На блюдах — ломтики свежего лимона. Нас кормят исключительно вкусным обедом, и мы требуем повара. Их приходит почему-то двое. У одного — тонкое нервное лицо артиста, второй — крепко сколоченный блондин с необычным именем Цезарь Иванович. Первый на днях покидает льдину, второй — приступает к своим обязанностям полярного повара. Мы от души благодарим их за угощение, хотя, признаюсь (дело прошлое), от волнения я ничего не могла есть.

Обед окончен. Мы все — и хозяйки и гости — убираем посуду, стулья, готовим «концертный зал».

Тем временем концерт уже начался. О нем уже рассказывал на страницах нашей газеты Павел Иванович Чекин. Я приведу только некоторые дополнительные подробности.

В кают-компании концерт, как известно, начинала я вариациями М. Глинки. Затем Б. Брунов объявляет:

— Сейчас Вера Георгиевна Дулова впервые исполнит произведение композитора М. Коваль «Старинные часы».

В Игарке есть улица Большого театра.

Фото В. Дуловой.

М. Коваль вручил мне свое новое произведение незадолго до вылета на полюс. Этот номер я разучила в дороге и впервые сыграла на льдине. Полярники слушали «Старинные часы», затаив дыхание.

Потом я аккомпанирую Павлу Ивановичу Чекину. Меня сменяет пианист и аккордеонист Л. Черный. Должна сказать, что наш концерт-мейстер нес колоссальную нагрузку во всех концертах.

Как всегда, всех нас пленяла Рина Зеленая. Наибольший успех выпал на долю нового рассказа, прочитанного ею. Называется он «Письмо маленькой москвички». Каждая его фраза встречалась дружным хохотом. Особенно долго и много смеялись над тем, как приятель девочки, решив закатиться, стал натираться снегом и в конце концов схватил воспаление легких. К удивлению Рины Зеленой, выдуманный мальчик имел на льдине своего прототипа. Один из зимовщиков поступил точно так же, как мальчик, и с теми же последствиями.

Концерт в кают-компании длился около полутора часов. Всего мы провели на Северном полюсе пять с половиной часов. Руководитель нашей бригады тов. М. Шапиро намекает, что пора нам восвояси. У хозяев много дел: одна экспедиция сдает, а другая принимает имущество станции.

Мы прощаемся. П. Гордиенко от имени всех полярников благодарит нас за внимание. Он и Е. Толстиков преподносят всем нам книги с дарственными надписями. Из них мы узнаем координаты льдины: 80°7' северной широты, 185°7' восточной долготы. Позже выяснилось, что мы продрейфовали два километра.

На «улице» мне вручают еще один подарок — щенка под кличкой «Полюс».

На сани уже уложены арфа, аккордеон, реквизит. Я и Нелина усаживаемся в розвалыни. Одной рукой прижимаю к себе щенка, другой — арфу, ногой придерживаю аккордеон Л. Черного. Трактор трогается в путь.

Зимовщики долго машут вслед руками, шапками. Постепенно исчезает из поля зрения алый стяг и такой же красный вертолет на фоне синего неба; вскоре скрывается и поселок.

Погрузка на самолет происходит быстро. М. Титлов торопит нас. По трапу поднимается Евгений Иванович Толстиков.

— До скорой встречи в Москве, — говорит он.

— До свиданья!

У нас два новых пассажира (вместо одного, которого обещал М. Титлов взять с полюса): фотокорреспондент и корреспондент ТАСС.

Мы смотрим в окошко. Вот самолет оторвался от льдины, он делает последние круги, набирает высоту и увозит нас на Большую Землю.

Щенок сразу же засыпает на чьих-то унтах.

Я попрежнему несу «вахту» в штурманском отделении.

Отколов от концертного платья букетик алых роз, прикрепляю по цветочку к шитку, к лампе, к радиопередатчику. И хоть розы искусственные, авиаторы рады им — когда глаза устают от белого цвета, они переводят взгляд на красные розы.

Самолет плывет ровно. Все пережитое кажется мне чудесным сном. Но это не сон — это настоящая советская жизнь. Простые, скромные люди ведут полную героического труда и исканий жизнь на льдине. И тем радостнее сознавать, что ты имела счастье побывать среди полярников, отдать им частицу своего труда, скрасить их суровую жизнь во льдах.

Трудна была поездка в Арктику, но я горжусь тем, что побывала на Северном полюсе, что выступала перед героическими зимовщиками, подвигов которых останется в веках.